

ОБРАЗНО-СМЫСЛОВАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ В АСПЕКТЕ ТРОПОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ)

Статья публикуется впервые

Л. В. ЖАРАВИНА

**Волгоградский государственный социально-педагогический
университет (Волгоград, Россия)
zharavinal@mail.ru**

**Памяти Михаила Давидовича Амирханяна,
душевно щедрого и обаятельного человека,
видного ученого – с благодарностью
за любовь к русской культуре**

В статье рассматривается феномен образно-смысловой эквивалентности в соотношении с традиционной системой тропов. Автор исходит из постулата о нерасторжимости тропологии и феномена творчества на высоком мировоззренческом уровне. На материале сравнительно-сопоставительного анализа стихотворных текстов М.Ю. Лермонтова, А.А. Блока, Ф.И. Тютчева, И.Ф. Анненского выявлен тропологический статус поэтических эквивалентов. Обозначено теоретико-методологическое значение эквивалентности в аспекте литературоведческой компаративистики.

***Ключевые слова:** компаративизм, метафора, обороты речи, смысловой эквивалент, сравнение, троп, тропология, художественный образ.*

Со школьных лет всем нам хорошо известно, что обращение к аллегориям, метафорам, метонимиям, оксюморонам, эпитетам и прочим средствам языковой выразительности – неперемнное условие красноречия и показатель высокого литературного мастерства. В

традиционный «набор» компетентностных знаний и умений филолога обязательно входят навыки грамотного оперирования с подобного рода дефинициями, правда, иногда сводящегося к способности отличать, например, метафору от метонимии. Разумеется, требование обоснованное, связанное с умением говорить *красно* как предметом и целью риторики, восходящей к временам европейской античности и имеющей солидную предысторию в отечественной теории словесности.

В настоящее время риторика – научная дисциплина, опирающаяся на обширнейший спектр гуманитарных ответвлений. Это направления лингвистического цикла (прагма-, психо-, этно-, социолингвистика, лингвокультурология), а также логика, эстетика, конечно, теория литературы и т.п. Существует понятие *риторическая личность* как видовое обозначение языковой личности.

Закономерно, что взятая в таком широком контексте, риторика не сводится к вопросам культуры речи, организации речевой деятельности и коммуникативному общению. Культура слова, как и культура речевого поведения в целом, невозможна без культуры мысли, которая, в свою очередь, определяется мировоззренческими параметрами, в основе которых – концептуализация представлений об окружающей реальности. В свое время С. С. Аверинцев определил риторику «как подход к обобщению действительности» [1, с. 158].

Что же касается экстралингвистического компонента в собственно тропологии (тропологии) как учении о тропах, входящем в раздел риторики (элокуцию), то его изучение также предполагает определенный плюрализм мнений. Авторитетные суждения на этот счет содержатся в трудах С.С. Неретиной, посвященных основным стратегиям средневекового мышления. По мнению исследователя, тропы и система тропов представляют «такую интеллектуальную конструкцию», которая «имеет гораздо больше оснований для репрезентации Средневековья, чем символы» [12, с. 66]. С. С. Неретина подходит к тропам и оборотам речи не просто как к стилистическим категориям, но как к форме *диалектического* знания, способу выражения образа мышления, «в основании которого лежит идея творчества» [11, с. 8]. Она подчеркивает «специально» разработанную патристикой «преоб-

разующую мир идею тропов» [13, с. 25], отмечает значение тропов, «носителей морального смысла», в формировании «тропологии религиозной веры» [13, с. 25].

Помимо религиозно-философского дискурса, исследователь обращается к литературно-художественному материалу, иллюстрируя свои наблюдения произведениями П. Абеляра, Данте, Ф. Петрарки, И. В. Гете, М. Пруста и др. Совершенно закономерно вытекает мысль о нерасторжимости тропологии и феномена творчества в многообразии их проявлений. «По способу существования прекрасное динамично, ибо оно есть сумма тропов-поворотов, постоянно меняющая (вместе с ними) свое обличье: формально неизменное, как история, параллельное ей (как крыша параллельна фундаменту), оно предполагает всяческое изменение и разнообразие» [12, с. 134], – пишет автор в одном из своих исследований.

И все-таки суждения С. С. Неретиной не вполне удовлетворили В.М. Розина, считающего необходимым согласовать теорию тропологии с развиваемой им «новой» концепцией искусства, в основе которой лежит формула «искусство как форма жизни» [14]. «<...> Там, где Неретина говорит о тропах и поворотах», по мнению оппонента, следует употреблять выражение «смена реальностей» или «смена событий в определенной реальности». В данном случае троп понимается «не просто как поворот и смена точки зрения», но и «как желание вырваться из традиционной, обыденной жизни, события которой абсурдны и случайны, как дискурс, меняющий видение и мышление, наконец, как смена основной реальности (был Бог, стало Слово, потом мир, сотворенный по Слово)» [15].

Обсуждать и идентифицировать подобного рода высказывания можно в нескольких направлениях – и в плане стереотипных воззрений на искусство как опосредованное *подражание (мимезис) / отражение* реальности, и в плане семиотики, реализующей подход к искусству как вторичной моделирующей системе. Вполне правомерен взгляд на тропологию как на одно из средств создания *виртуала*, который в большинстве случаев рассматривается как квазиобъект, некий симулякр или фантом большого воображения. Однако заметим: данное понятие ведет начало от средневековой

мысли, что необходимо учитывать, опираясь не столько на современную техногенную практику, сколько на философско-религиозное учение о *бытии-возможности* (*Posset*) Николая Кузанского. Из *бытия-возможности*, или *возможности-бытия* (это и есть исторически точное определение виртуала) разворачивается «все, что создано и будет создано», но существует до времени в «свернутом виде» [8, с. 141]. Отсюда один шаг до тезиса *порядок через хаос* – синергетического обоснования принципа саморегуляции сложных систем. В любом случае это будет художественно воспроизведенная альтернативная картина окружающего мира, требующая методологически корректного подхода, одним из базовых принципов которого был и остается принцип историзма.

Однако и вопрос об исторической основе тропологии многопланов и может рассматриваться в нескольких направлениях. Прежде всего речь должна идти об обусловленности средств художественной выразительности имманентными (внутренними) законами историко-литературного процесса. В этом отношении показательны «Лекции по эстетике» Г.-В.-Ф. Гегеля, где в весьма неприглядном свете интерпретирована аллегория. «Ее всеобщее олицетворение пусто, определенные внешние черты представляют собой лишь знак, который сам по себе ничего не означает <...>» и т.п. [6, с. 109], – считал философ. «Пустая форма», «господство абстрактного смысла над внешним образом» [6, с. 106] – этот суровый вердикт вызван скорее всего издержками нормативных установок классицизма, изживающих себя на фоне искусства «романтической формы».

В отечественном литературоведении также неоднократно предпринимались попытки обосновать соотнесенность разновидностей средств языковой выразительности с различными параметрами художественного произведения. Б.М. Эйхенбаум, например, разграничивал метонимичность поэзии и метафоричность прозы [21, с. 133]. Р.О. Якобсон поддерживал противоположный тезис, отмечая «самое тесное и глубокое родство» стиха с метафорой, а прозы с метонимией [23, с. 331] и т.п.

Более остро стоит проблема органичности тропологии в контексте «большой» истории, т.е. вопрос о причинах предпочтения, отдава-

емого тому или иному тропу в связи с переменами в общественной жизни. Интересный пример подобного рода мы также находим у С.С. Неретиной.

Так, исследователь пишет о возросшей популярности метонимии в Европе XII века, когда «момент роста городов» привел к появлению большого количества светских школ и, соответственно, «огромной массы обучающихся, в том числе выходцев из простых общественных слоев». «Схоластическая история» французского церковного историка и богослова Петра Коместора, служившая учебным пособием, представляла евангельский текст в формате контаминации, соединив по принципу смежности (т.е. метонимии) отдельные текстовые фрагменты, принадлежащие четырем евангелистам. Личностная основа христианского канона тем самым игнорировалась, но задачам «всеобуча» такое положение дел отвечало в полной мере [13, с. 31]. Можно сказать, что в подобных случаях троп наделяется жизнестроительным содержанием «в угоду» времени.

В конце прошлого столетия и в первых десятилетиях нашего века чрезвычайно высокий теоретико-методологический статус получила метафора. В 1990 г. в издательстве «Прогресс» вышел сборник «Теория метафоры», составленный из отдельных статей и фрагментов трудов зарубежных филологов, философов, логиков, психологов: Э. Кассирера, Х. Ортеги-и-Гассета, Дж. Серля, М. Блэка, Дж. Миллера, А. Вежбицкой и др. Из общего исследовательского дискурса, дополненного и скорректированного классическими трудами А. А. Потебни, В. М. Жирмунского, А. Ф. Лосева и др. вытекает мысль об универсализме метафоры, консолидирующей самые разные области научного знания и о ее миромоделирующей функции. «Сегодня статус интересующего нас тропа в интеллектуальном со обществе запредельно высок», – утверждает современный исследователь, выдвигая идею «культурной экспансии» тропа [18, 48].

Видимо, корни данного и подобных явлений следует искать в представлениях о панъязыковом характере сознания и, как следствие, в общих процессах текстуализации и литературизации действительности, имевших место в последних десятилетиях прошлого столетия и продолжающихся по сей день.

Наглядным подтверждением может служить сборник эссе нидерландского философа Ф. Р. Анкерсмита «История и тропология: взлет и падение метафоры», вышедший в начале 1990-х гг. и переведенный на русский язык в 2003 г. «Философия XX века находится под обаянием феномена языка» [2, с. 269] – с этих общих позиций автор анализирует формирование исторического нарратива, проводя прямую параллель между развитием научной историографии и реалистическим направлением в литературе и искусстве. Здесь и встает вопрос о метафоре, но уже в плане ее преодоления, что связано с неизбежностью реабилитации и возвращения неметафоризированного научного дискурса. Из рассуждений Анкерсмита можно сделать вывод о том, что «тропологический взгляд на историю» [2, с. 162] изживает себя, поскольку литературная теория уже не в состоянии повлиять на формирование исторического письма.

На первый взгляд этот вывод противоречит сформулированному выше постулату об экспансии метафоры, но по существу (от обратного) он еще раз подтверждает значение тропологии в создании полномасштабной картины мира.

И речь должна идти не только о метафоризации. Как отмечалось, на наших глазах происходит расширение литературоведческого понятийно-терминологического аппарата за счет обращения к техногенным феноменам: компьютерному моделированию, киберкультуре, интернет-пространству и пр. Однако наблюдается и противоположный процесс: обращение к эстетическим постулатам антипозитивистской направленности. В этом отношении привлекает внимание концепция религиозного мыслителя (по специальности математика) В. Н. Тростникова, выступившего со статьей «Апофатика – основной метод в науке XXI века» [16].

В ней говорится о целесообразности обращения к методологическим установкам богословской апофатики, исходящей из принципиальной непознаваемости Высшего Начала, при решении задач, ставящих в тупик современного ученого в силу проблематичности однозначного положительного результата. Достижению (хотя бы частичному) этой цели, по мнению Тростникова, должен способствовать поиск идентичностей, т.е. *эквивалентов*. Например: «Эквивалентность

объема непознаваемости феномена Жанны д'Арк и мироточения икон» [16]. Представляется, что предложенная эвристическая модель может найти применение и в литературоведении, активно обратившемся в последние десятилетия к апофатической стратегии [см. 7].

Сам термин эквивалент и феномен эквивалентности, разумеется, не новы: но их предыстория уходит корнями, главным образом, в многовековую практику и теорию переводоведения, что совершенно естественно.

С одной стороны, разносистемность национальных языков порождает нетождественность оригинала и его перевыражения. Но с другой – она не препятствует содержательно-смысловому соприкосновению текстов, поддерживает функциональную коммуникативность, способствует сохранению художественных параметров, доносящих до читателя культурно-историческую и эстетическую ценность оригинала. В таком случае специалисты по теории перевода сближают (хотя и частично) эквивалентность и адекватность.

Утверждению литературоведческого статуса понятий *эквивалент* и *эквивалентность* много содействовал Р.О. Якобсон, исходивший из расширенного понимания переводческой практики. «Эквивалентность при существовании различия» он не только считал «кардинальной проблемой языка и центральной проблемой лингвистики» [22, с. 363], но и рассматривал в качестве ключа к осмыслению дихотомии *versu / provorsa* (*стих / проза*). Правда в дальнейшем исследователь большей частью обращался к термину *параллелизм*, считая его, наряду с другими «симметрическими образованиями», важнейшей составляющей поэтического целого. Ю.М. Лотман, также относя эквивалентность к одному «из основных организующих принципов поэзии и, шире, художественной структуры вообще» [10, с. 60], подчеркивал антиномичность понятия («со-противопоставление») и анализировал его в контексте семантической и прагматической перекодировок, присутствующих словесному искусству как вторичной моделирующей системе. Безусловно, повышенной значимостью обладают наблюдения и выводы профессора славистики Гамбургского университета В.Шмида, анализирующего тематическую и структурно-формальную «равно-

значимость» художественных мотивов «на различных уровнях нарративной структуры» [20, с. 134].

И все же В.Н. Тростников, на статью которого мы ссылались выше, имел в виду эквивалентность более широкого плана, которую невозможно свести к сравнительно-сопоставительному акту на основе какого-то одного признака подобия или элементарной аналогии.

Поясним данную мысль на хорошо известных примерах. В поэтический цикл А.Блока «Город» входит стихотворение «Ты смотришь в очи ясным зорям...», исполненное горькой иронии: «Кого ты в скользкой мгле заметил? / Чьи окна светят сквозь туман? / Здесь ресторан, как храмы, светел, / И храм открыт, как ресторан... / На безысходные обманы / Душа напрасно понеслась: / И взоры дев, и рестораны / Погаснут все — в урочный час» [5, с. 137]. Не меньшей болью пропитаны строки М.Лермонтова: : «Расстались мы; но твой портрет / Я на груди моей храню: / Как бледный призрак лучших лет, / Он душу радует мою. / И, новым преданный страстям, / Я разлюбить его не мог: / Так храм оставленный – всё храм, / Кумир поверженный – всё бог!» [9, с. 280].

Как видим, конструктивные особенности стихотворных фрагментов похожи, но не идентичны. Поэтическая мысль Блока держится на сравнительном обороте, раскрывающем обоюдно-функциональную связь объектов: «ресторан, как храмы, светел» / «храм открыт, как ресторан». У Лермонтова же не элементарное сравнение, одновременно сближающее и разобщающее, но отождествление по сущности: «храм оставленный – всё храм / Кумир поверженный – всё бог!».

Если сравнение (метафорическое сравнение) «работает» по принципу переноса признаков с одного явления на другое на основе их сходства, подчеркнутого сравнительными союзами и оборотами (*как, будто, как будто, будто бы, словно, точно* и т.д.), то эквивалентность предполагает сближение на первый взгляд логически несовместимых явлений, одновременно лежащих в разных идейно-смысловых плоскостях.

Далее. Блоковское сравнение, будучи художественно-стилистическим тропом, не посягает на самодостаточность сопоставляемых предметов: *храмы и рестораны* равноценны лишь как индикаторы

всеобщей профанизации сакрального. Но для каждого может наступить его собственный «урочный час», и ресторанам предстоит погаснуть, как и «взорам дев». Лермонтов, напротив, декларирует обратный процесс – сакрализацию профанного и выстраивает синонимичный ряд («храм оставленный», но оставшийся «храмом» – «кумир поверженный», но оставшийся «богом»), ориентированный на раскрытие одного (общего) предметно-сущностного содержания: «твой портрет». Мысль Блока линейна, рассчитана на разрешение в будущем времени (рестораны «погаснут»); сентенция Лермонтова кругообразна. Прошлое (портрет – «бледный призрак лучших лет») и священные реалии настоящего образуют самозамкнутую сферическую целостность. Это не члены сравнения, но именно эквиваленты.

Критерием эквивалентности, как следует из формулировки В. Н. Тростникова, является «объем непознаваемости», т. е. апофатика. У Лермонтова этот смысл очевиден: «разлюбить его не мог». *Не мог; не знаю почему; непонятно почему; неизвестно зачем* и т.п. – эти и подобные речевые обороты, чаще всего возникающие спонтанно, обнаруживают проблематичность модусов знания и действия. Налицо апофатическое состояние лирического героя, его душевная и духовная немощь, т. е. непонятная ему самому неспособность оказать внутреннее противодействие реальности.

Наглядный пример «рождения» эквивалентности из метафоризированного сравнения и наделения ее статусом тропа демонстрирует стихотворение И. Ф. Анненского «Октябрьский миф» («Трилистник дождевой»). *«Мне тоскливо. Мне невмочь. / Я шаги слепого слышу: / Надо мною он всю ночь / Оступается о крышу. / И мои ль, не знаю, жгут / Сердце слезы, или это / Те, которые бегут / У слепого без ответа, / Что бегут из мутных глаз / По щечкам его поблеклым, / И в глухой полночный час / Растекаются по стеклам»* [3, с. 122].

Сюжетность в буквальном смысле отсутствует, но предметно точно переданы состояние одиночества и чувство сострадания, отсылающие текст к известным строкам Ф. И. Тютчева: *«Слезы людские, о слезы людские, / Льетесь вы ранней и поздней порой... / Льетесь безвестные, льетесь незримые, / Неистоцимые, неис-*

числимые, – / Льетесь, как льются струи дождевые / В осень глухую, порою ночной» [17, с. 112].

Оба поэта исходят из параллелизма духовного и природного миров. Тексты проникнуты общим гуманистическим пафосом. Но поэт XX века идет дальше своего предшественника, опираясь на более репрезентативные формы объективизации лирической субъективности.

Тютчев сравнительно-сопоставительным союзом *как* уподобил слезы струящемуся дождю. Это привычный семантический ход, прочно укоренившийся в поэтической практике. В принципе поиски соответствий лежат в основе всех тропов, ориентированных на поиск аналогий. Однако заметим: природное явление в данном случае лишь стимулирует обращение к человеческому горю. А это означает, что при всей самоценности мир природы не самодостаточен и значим как объект эстетической деятельности человека. Даже в натурфилософии Шеллинга, установившего тождество *продуктивности* и *продукта* (*natura naturans* и *natura naturata*) и назвавшего природу «поэмой, скрытой от нас таинственными, чудесными письменами», явственно проступает мысль о необходимости творческого насилия над ней. Художнику, утверждает философ, следует духовно расплавить жесткие формы природы, вступить в борьбу с ее созидающим духом для того, чтобы достигнуть «предельной красоты в творениях» [19, с. 484].

Стратегия Анненского абсолютно противоположна. «<...> Поэт не навязывает природе своего *я*, он не думает, что красоты природы должны группироваться вокруг этого *я*, а напротив, скрывает и как бы растворяет это *я* во всех впечатлениях бытия» [4, с. 100] – так поэт характеризовал манеру К. Д. Бальмонта. Но данная характеристика более относима к нему самому.

Анализируя стихотворение «Октябрьский миф», мы также исходим из метафорического сравнения *дождь* / *слезы* как исходного. Но отмечаем, что, в отличие от Тютчева, Анненский превращением дождя в страдающее существо («шаги слепого слышу») переводит троп из области поэтического гнозиса в область поэтической онтологии. Причем переводит (по его собственной формуле) «без единого разобщающего сравнения» [4, с. 100]. У Тютчева первичны

слезы людские и вторичны струи дождевые как предметная основа сравнения. У Анненского в принципе отсутствует деление на первичность и вторичность. Образ слепого, наделенный самостоятельным бытием («Надо мною он всю ночь / Оступается о крышу»), и образ страдающего лирического героя равнозначны и равноценны, полностью идентичны, т.е. эквивалентны. Возникает «единое, разорвано-слитное я», которое консолидируется «со всем, что с ним *одноприродно*» [4, с. 103, 100].

В высшей степени значима оговорка, уводящая в глубины апофатического неведения: («*И мои ль, не знаю, жгут / Сердца слезы <...>*»). Анненский прямо писал о недостатке языковых средств для передачи желания, «мистически» соединившись с природным началом, преодолеть состояние безысходности: «тут нельзя ни понять всего, о чем догадываешься, ни объяснить всего, что прозреваешь или что болезненно в себе ощущаешь, но для чего в языке не найдешь и слова» [4, с. 102].

Сам поэт ввел в название вышеупомянутого стихотворения слово «миф», которое в аспекте поднятой проблемы заостряет вопрос о соотношении мифологизации и метафоризации. Их взаимосвязь несомненна, но единое мнение на этот счет отсутствует. Одни исследователи говорят о развернутой метафоре как логико-психологической основе мифологеми; другие подчеркивают несовместимость этих двух начал.

Можно сказать, что в стихотворном тексте И.Ф. Анненского «под знаком мифа» моделируется алгоритм превращения двучленной метафоризированной сравнительной конструкции (*дождь / слепой*) в трехчленный образно-смысловой эквивалент. Связующим звеном в двухчастном сближении становится авторское я, интерпретируемое в свете основных ценностно-мировоззренческих констант: совесть, боль, страх небытия, поруганная красота и т. п. «*Иль над обманом бытия / Творца веленье не звучало, / И нет конца и нет начала / Тебе, тоскующее я?*» [3, с. 58].

Этими четырьмя строками сказано очень многое: знак вопроса вновь отсылает к апофатическому послыу о неизъяснимости Высшего соизъявления, а «тоскующее я» как третий компонент срав-

нения (поэт обращается к нему на равных: «Тебе...») – не что иное, как *tertium comparationis*, основа и критерий истинности сопоставительного акта.

Анализ поэтических текстов, на наш взгляд, указывает на то место, которое феномен эквивалентности может занять в современной тропологии. Говоря о дальнейших перспективах изучения проблемы, следует отметить особую репрезентативность литературоведческой компаративистики, обладающей развитым понятийно-терминологическим аппаратом. Мы привыкли говорить о генетических и типологических связях, аналогиях, параллелях, схождениях, сближениях, совпадениях, сопоставлениях, встречах течений и т. п. Существует достаточно разветвленный терминологический комплекс для обозначения итертекстуальности. Поиск же образно-смысловых эквивалентов способен вывести анализ в более широкое сравнительно-сопоставительное пространство, что, безусловно, придает компаративистскому изучению метакультурное измерение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. 448 с.
2. *Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры [пер. с англ. М. Кукарцева и др.]. М.: Прогресс-Традиция. 2003. 496 с.
3. *Анненский И.Ф.* Стихотворения и трагедии. Библиотека поэта. Издание третье. М.: Сов. писатель, 1969. 640 с.
4. *Анненский И.Ф.* Книги отражений. М.: Наука, 1979. 689 с. (Литературные памятники).
5. *Блок А.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 2. Кн. 2. М.: Наука, 1997. 894 с.
6. *Гегель Г.-В.-Ф.* Эстетика: в 4 т. т. 2. М.: Искусство, 1969. 326 с.
7. *Жаравина Л.В.* Апофатика в современном литературоведении: pro et contra // Славянские чтения: научно-теоретический журнал / Славян. ун-т, Молдова. 2015. № 5 (11). С. 143 – 156.
8. *Кузанский Николай.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1979. 488 с. (Философское наследие).

9. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. СПб.: Изд-во Пушкинского дома, 2014. 776 с.
10. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 387 с.
11. *Неретина С.С.* Тропы и Тропы и концепты. М.: ИФРАН, 1999. 277 с.
12. *Неретина С.С.* Слово и текст в средневековой культуре. История: миф, время, загадка. М.: Гнозис, 1994. 208.
13. *Неретина С.С.* «Ни одно слово не лучше другого». Философия и литература. – М.: Голос, 2020. – 360 с.
14. *Розин В.М.* К построению новой концепции искусства (искусство как форма жизни) // Культура и искусство. 2021. № 10. DOI: 10.7256/2454-0625.2021.10.36611. URL: https://nbpublish.com/library_read_arti (обращение от 25. 05. 2025).
15. *Розин В.М.* Тропология или учение о реальностях? // Философская мысль. 2022. № 8. DOI: 10.25136/2409 8728.2022.8.38612 EDN: EXPYLK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=3861(обращение от 25. 05. 2025).
- 16 *Тростников В.Н.* Апофатика – основной метод науки XXI века. URL: <http://www.pravoslavie.ru/736.html> (дата обращения: 21. 05. 2025).
17. *Тютчев Ф.И.* Лирика: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1966. 448 с.
18. *Фатенков А.Н.* Культурная экспансия метафоры и философско-мировоззренческий горизонт иносказания // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 48 – 69.
- 19 *Шеллинг Ф.-В.-И.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. 637.
20. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с. (Studia philologica).
21. *Эйхенбаум Б.М.* О поэзии. Л.: Сов. писатель. 1969. 552 с.
22. *Якобсон Р.О.* Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 460 с.
23. *Якобсон Р.О.* Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

REFERENCES

1. *Averincev S.S.* Ritorika i istoki evropejskoj literaturnoj tradicii. М.: Yazy`ki russkoj kul`tury`, 1996. 448 s.
2. *Ankersmit F.R.* Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory` [per. s angl. М. Kukarceva i dr.]. М.: Progress-Tradiciya. 2003. 496 s.

3. *Annenskij I.F.* Stixotvoreniya i tragedii. Biblioteka poe`ta. Izdanie tret`e. M.: Sov. pisatel`, 1969. 640 s.
4. *Annenskij I.F.* Knigi otrazhenij. M.: Nauka, 1979. 689 s. (Literaturny`e pamyatniki).
5. *Blok A.A.* Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. T. 2. Kn. 2. M.: Nauka, 1997. 894 s.
6. *Gegel` G.-V.-F* E`stetika: v 4 t. t. 2. M.: Iskusstvo, 1969. 326 s.
7. *Zharavina L.V.* Apofatika v sovremennom literaturovedenii: pro et contra // Slavyanskije chteniya: nauchno-teoreticheskij zhurnal / Slavyan. un-t, Moldova. 2015. № 5 (11). S. 143 – 156.
8. *Kuzanskij Nikolaj.* Sochineniya: v 2 t. T. 1. M.: My`sl`, 1979. 488 s. (Filosofskoe nasledie).
9. *Lermontov M.Yu.* Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 1. SPb.: Izd-vo Pushkinskogo doma, 2014. 776 s.
10. *Lotman Yu.M.* Struktura xudozhestvennogo teksta. M.: Iskusstvo, 1970. 387 s.
11. *Neretina S.S.* Tropy` i Tropy` i koncepty`. M.: IFRAN, 1999. 277 c.
12. *Neretina S.S.* Slovo i tekst v srednevekovoj kul`ture. Istoriya: mif, vremya, zagadka. M.: Gnozis, 1994. 208.
13. *Neretina S.S.* «Ni odno slovo ne luchshe drugogo». Filosofiya i literatura. – M.: Golos, 2020. – 360 s.
14. *Rozin V.M.* K postroeniyu novoj koncepcii iskusstva (iskusstvo kak forma zhizni) // Kul`tura i iskusstvo. 2021. № 10. DOI: 10.7256/2454-0625.2021.10.36611. URL: https://nbpublish.com/library_read_arti (obrashhenie ot 25. 05. 2025).
15. *Rozin V.M.* Tropologiya ili uchenie o real`nostyax? // Filosofskaya my`sl`. 2022. № 8. DOI: 10.25136/2409 8728.2022.8.38612 EDN: EXPYLK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=3861(obrashhenie ot 25. 05. 2025).
16. *Trostonikov V.N.* Apofatika – osnovnoj metod nauki XXI veka. URL: <http://www.pravoslavie.ru/736.html> (data obrashheniya: 21. 05. 2025).
17. *Tyutchev F.I.* Lirika: v 2 t. T. 1. M.: Nauka, 1966. 448 s.
18. *Fatenkov A.N.* Kul`turnaya e`kspansiya metafory` i filosofskomirovozzrencheskij gorizont inoskazaniya // Sociologicheskij zhurnal. 2005. № 4. S. 48 – 69.
19. *Shelling F.-V.-I.* Sochineniya: v 2 t. T. 1. M.: My`sl`, 1987. 637.
20. *Shmid B.* Narratologiya. M.: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`, 2003. 312 s. (Studia philologica).
21. *E`jxenbaum B.M.* O poe`zii. L.: Sov. pisatel`. 1969. 552 s.
22. *Yakobson R.O.* Izbranny`e raboty`. M.: Progress, 1985. 460 s.

23. *Yakobson R.O. Raboty` po poe`tike: Perevody` / Sost. i obshh. red. M.L. Gasparova. M.: Progress, 1987. 464 s.*

**ԿԵՐՊԱՐԱՅԻՆ ԵՎ ԻՄԱՍՏԱՅԻՆ ՀԱՄԱՐԺԵՔՈՒԹՅՈՒՆԸ
ՏՐՈՊՈԼՈԳԻԱՅԻ ՏԵՍԱԿԵՏԻՑ
(ռուսական պոեզիայի նյութի վրա)**

Լ. Վ. ԺԱՐԱՎԻՆԱ

**Վոլգոգրադի պետական սոցիալ-մանկավարժական համալսարան
(Վոլգոգրադ, Ռուսաստան)**

Հոդվածը վերաբերում է պատկերավոր և իմաստային համարժեքության երևույթին՝ տրոպների ավանդական համակարգի նկատմամբ: Հեղինակը բարձր աշխարհայացքային մակարդակով ելնում է տրոպոլոգիայի և ստեղծագործության երևույթի անբաժանելիության մասին պոստուլատից: Մ.Յ. Լերմոնտովի, Ա.Ա. Բլոկի, Ֆ.Ի. Տյուտչևի, Ի.Ֆ. Անենսկու բանաստեղծական տեքստերի համեմատական վերլուծության նյութի հիման վրա բացահայտվում է բանաստեղծական համարժեքների տրոպոլոգիական կարգավիճակը: Ուրվագծվում է համարժեքության տեսական և մեթոդաբանական նշանակությունը գրական համեմատականության ասպեկտում:

Բանալի բառեր՝ համեմատականություն, փոխաբերություն, խոսքի շրջադարձեր, իմաստային համարժեք, համեմատություն, տրոպ, տրոպոլոգիա, գեղարվեստական կերպար:

**FIGURATIVE AND SEMANTIC EQUIVALENCE IN THE ASPECT
OF TROPOLOGY (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN POETRY)**

L. V. ZHARAVINA

**Volgograd State Social and Pedagogical University
(Volgograd, Russia)**

The article deals with the phenomenon of figurative and semantic equivalence in relation to the traditional system of tropes. The author proceeds from the postulate about the inseparability of tropology and the phenomenon of creativity on a high world outlook level. On the material

of comparative analysis of poetic texts by M.Y. Lermontov, A.A. Blok, F.I. Tyutchev, I.F. Annensky the tropological status of poetic equivalents is revealed. Theoretical and methodological significance of equivalence in the aspect of literary comparativism is outlined.

Key words: *comparativism, metaphor, turns of speech, semantic equivalent, comparison, trop, tropology, artistic image.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 27 мая 2025 г., подписана к печати в № 2.CXXI (121).2025 30.10.2025.